Прошло еще пять минут, а ответа все не было.

Су Е недовольно швырнула телефон в сторону.

Дзынь!

Су Е тут же подскочила и притянула отлетевший аппарат обратно.

Шэнь Цинву: Мг.

Мг?

Мг — это что еще значит?

Су Е: Говорят, та, кто вызвала полицию, — огромная девица ростом два метра.

Шэнь Цинву: Мг.

Су Е: Твой телохранитель?

Шэнь Цинву: Мг.

Су Е уставилась на этот единственный слог, и грудь ее вздымалась от гнева. Ей уже было плеваре на суть происходящего, ярость мгновенно закипела в ней, и она швырнула телефон прямо на диван.

Что эта сука из себя строит, какую неприступную недотрогу из себя возомнила? Перекидывается этим своим мг-мг. Что, перетрудится, если еще хоть одно слово добавит?

Нет, нельзя оставлять это оскорбление безнаказанным.

Су Е: Мг.

Ответив точно таким же мг, Су Е почувствовала себя намного лучше, и дыхание сразу выровнялось.

Подумаешь, кто так не умеет? Ты мне мг — и я тебе мг, ты строишь из себя ледяную глыбу, а я буду еще холоднее.

Лучше бы ей вообще больше не писать, а если еще раз сунется со своими сообщениями, в ответ полетит только одно презрительное мг, — гневно размышляла Су Е.

Она снова взглянула на историю переписки, так и не поняв, то ли это ее мг было знаком согласия, то ли обычной отпиской. Так все-таки, тот человек, который исподтишка снимал ее, — неужели с ним и правда разобралась она?

Если действительно она, то какого черта ей вообще понадобилось вмешиваться?

Да ну, плевать. Су Е отложила телефон и продолжила заниматься спортом, чтобы сбросить вес. Она только что выпила банку пива, и лимит калорий был превышен, так что сегодня придется увеличить нагрузку и сжечь лишнее.

Кстати, если уж зашел разговор о пиве, во всем виновата Шэнь Цинву. Если бы та не вывела ее из себя, стала бы она вообще пить?

У Су Е всегда находилась тысяча причин обвинить во всем Шэнь Цинву, в конце концов, ничего хорошего от этой девчонки ждать не стоило.

*

Ранним утром, перевернувшись на другой бок, Су Е вскочила с постели и, с трепетом переведя дыхание, осторожно встала на весы.

Зажмурилась, а затем открыла глаза.

Разглядев цифры на весах, она засияла от восторга и радостно закружилась на месте.

Похудела, похудела! Похоже, задача сбросить три с половиной килограмма до начала съемок вполне выполнима.

Камень с души наконец свалился.

Она уже с радостным предвкушением собиралась сфотографировать циферблат весов и выложить в соцсети, чтобы похвастаться, как вдруг на экране всплыло новое сообщение.

Шэнь Цинву: Спускайся.

У Су Е задергался глаз.

Она бросила взгляд на окно и сначала хотела броситься туда и обругать наглую девицу, но,

подумав, сдержалась.

Хладнокровие, нужно сохранять хладнокровие.

Игнорировать ее, просто не обращать внимания — вот лучшее решение.

Но с другой стороны, вчера Шэнь Цинву, похоже, как бы, вроде бы помогла разобраться с тем случаем скрытой съемки, и делать вид, что ничего не было, пожалуй, не совсем красиво.

Может, спуститься и спросить ее лично о вчерашнем?

Впрочем, даже если это ее рук дело, благодарности она все равно не заслуживает. С какой стати благодарить эту суку? Да даже если она помогла, наверняка преследовала какие-то свои меркантильные цели.

Не пойду.

Не буду отвечать.

Хладнокровие.

Пять минут спустя Су Е стояла внизу.

Скрестив руки на груди и задрав ноц, она приняла вид сплошного презрения: мол, я донельзя неприступна, а ты недостойна даже смотреть в мою сторону.Шэнь Цинву уже привыкла к тому, что та вечно творит всякие безумства, подошла и протянула ей стаканчик с бабл-ти.

Это был любимый жемчужный чай с молоком Су Е.

— Держи, — сказала Шэнь Цинву. — Проходила мимо чайной, специально тебе купила.

Су Е посмотрела на этот чай, сглотнула слюну, но тут же снова задрала голову и холодно бросила:

— Я сейчас худею, такую дрянь не пью. Хватит тут пытаться задобрить меня подачками, у всякой подозрительной любезности на уме либо корысть, либо злой умысел.

Шэнь Цинву:

— Если правда не будешь пить, я его выброшу.

Су Е:

— …

Выбросишь так выбросишь, подумаешь, велика ценность.

Так она думала про себя, а во рту тем временем безумно выделялась слюна.

Последние интенсивные тренировки в сочетании с ограничениями в еде и впрямь заставили её жутко позеленеть от зависти ко всяким вкусностям. Ей и так отчаянно хотелось вредной еды, а при виде молочного чая она и вовсе растаяла — если не совмещать труд с отдыхом хоть изредка, того и гляди, сорвёшься в компульсивное переедание.

— Заказала без сахара, просто чтобы иногда побаловать себя, — Шэнь Цинву вставила трубочку и прямо всунула стакан ей в руку.

Су Е не слишком ей верила, изучила состав — и правда без сахара, — и только после этого со спокойной душой сделала глоток.

Допив, она довольно кивнула: после бесконечных пресных супов этот вкус казался давнишней, забытой роскошью.

Вот только пока она пила, в голову вдруг что-то забрело. Су Е прищурилась, глядя на Шэнь Цинву:

— Ты часом не яду туда подсыпала?

Шэнь Цинву кивнула:

— Угу, мышьяк.

Су Е потрогала себя за шею:

— Горло вроде немного заболело.

Затем Су Е схватилась за живот:

— И в животе тоже вроде как прихватило.

Шэнь Цинву молча наблюдала за её представлением.

— Ладно, похоже, яда там нет, — Су Е прикусила трубочку и с довольным видом продолжила чавкать.

— Кстати, — спросила Су Е, — это ты вытащила на чистую воду того тайного фотографа и сдала в полицию?

Шэнь Цинву:

— Тебе обязательно задавать один и тот же вопрос по несколько раз?

Су Е вообще-то собиралась сказать спасибо, пусть это «спасибо» и шло от самого сердца, но против воли, однако после такого отповеди у неё и мысли не осталось благодарить. Она закатила глаза:

— К чему эта фальшивая доброта? Строишь из себя такую заботливую, а сама наверняка замышляешь что-то недоброе.

Шэнь Цинву пропустила её слова мимо ушей, посмотрела на бабл-ти в её руке и спросила:

— Вкусно?

Су Е машинально кивнула.

Шэнь Цинву:

— Дай попробовать.

Су Е зыркнула на неё:

— Не дам.

Едва она успела решительно отказаться, как Шэнь Цинву перехватила её руку, наклонилась и прямо с её руки вцепилась зубами в трубочку.

В воздухе повеяло легким ароматом благородного дерева.

Выражение лица Су Е слегка изменилось, она ошеломленно замерла, а её взгляд против воли скользнул по чужим губам.

Губы у той казались такими мягкими и аппетитными.

Су Е снова вспомнила ту ночь: пусть они тогда были изрядно подвыпившими, но множество ощущений — включая то, как губы смыкались на её собственных во время поцелуя, — Су Е прекрасно помнила.

Губы у неё и впрямь были очень мягкими и сладкими на вкус, от любого прикосновения веяло сладостью, куда уж этому жемчужному чаю с ними тягаться.

Чем сильнее она предавалась воспоминаниям, тем ярче они становились, и лицо Су Е начало заливаться краской.

http://bllate.org/book/37708/4713244